

АНТРОПОЛОГИЯ НАУКИ

О.А. Фишман

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ (доклад на заседании круглого стола «Полевые исследования: итоги, проблемы, перспективы»)*

В выступлении затрагиваются актуальные проблемы организации и методики полевых исследований: повторные полевые исследования, методика работы с информантами разного возраста и с нерусским населением, этические аспекты полевой работы, проблема верификации знания, влияние личности информанта и этнографа-полевого на получаемую информацию, вопрос влияния исследователя на изучаемое население.

Уже давно назрела необходимость дискуссии по вопросам организации полевых исследований, в частности, многолетних комплексных экспедиций, в которых участвуют специалисты разных дисциплин. Это позволяет изучать народную культуру во всей полноте, фиксировать и пытаться понять закономерные явления, которые не доступны для познания и интерпретации методами одной науки.

Вначале хотелось бы уделить внимание проблеме выбора места исследования. При полевой работе в одном месте на протяжении длительного времени важную и весьма глубокую информацию дает знание семейно-родовых связей, структуры семейно-родственных отношений. Таким образом точнее восстанавливаются внутригрупповые, социальные связи, ролевые функции, система лидерства, иерархическая соподчиненность и смена форм лидерства. В ходе многолетних

* Круглый стол по проблемам полевых исследований проходил 20 марта 2003 г. в Российском Этнографическом музее (Санкт-Петербург).

поездок в одни и те же места мы имеем возможность наблюдать смену поколений, которая происходит буквально на наших глазах, и фиксировать изменения характера и объема специальных знаний. И тогда вместо множественного знания, которое получаешь, работая в разных местах и сравнивая данные, ты фокусируешься на тех немногих информантах, с которыми работаешь постоянно, и выявляешь очень интересные вещи. Именно так можно восстановить различного рода династии — от ремесленников до знающих, колдунов, т. е. тех, кто является хранителями традиции. Особенно важно это в тех районах, о которых мы сегодня говорим: полиэтнических и поликонфессиональных. Приведу несколько примеров. Мы оказались в деревне в первый раз, а это была одна из немногочисленных деревень, огороженных забором, то есть она имела четко выраженную границу. Когда мы подошли к изгороди, деревенские бабы высыпали на улицу и стали вести себя достаточно агрессивно. Особенно одна из женщин — она буквально пыталась от нас откупиться. Выглядело это следующим образом: она хватала с изгороди первые попавшиеся глиняные горшки, которые на ней сушились, и давала нам, все время повторяя: «Не надо! Не надо! Пускай не входят! Пускай не будет их здесь!». Станным было поведение этой женщины, — я, во всяком случае, в первый раз с таким столкнулась. Через два года, во время моего повторного приезда, уже после смерти этой женщины, выяснилось: она была потомственной колдуньей, из очень известной семьи, фактически — хранителем этого места. Таким образом она пыталась воспрепятствовать вторжению чужих людей в то пространство, которое она контролировала. Но узнала я об этом, повторяю, спустя длительное время.

Вместе с тем, работа в одном месте имеет, конечно, свои недостатки. Происходит замыкание в одном кругу информации, тем, людей, и хотя это ведет к углубленному изучению, но ведет и к привыканию. Многие вещи ты уже перестаешь замечать, поэтому, наверное, полевой этнограф должен выезжать в разные места, чтобы иметь возможность взглянуть на предмет своего изучения с разных точек зрения, которые подсказаны конкретной полевой ситуацией в том или ином регионе. Тогда можно увидеть как некие общие тенденции и явления, так и какие-то особенные черты той культуры, которую ты изучаешь.

Теперь о методике работы с информантами. На этом я хотела бы остановиться подробнее, потому что сегодня многие этнографы, особенно молодые, которые имеют возможность познакомиться с западноевропейскими методиками, причем перенимая их у тех исследователей, которые работают здесь, на территории России — столкнулись с той стороной полевой работы, о которой мы раньше, честно говоря, не очень задумывались. Это то, что можно назвать «этикой отношений» между исследователем и информантами. Мне кажется, что не стоит увлекаться западноевропейскими методиками, потому что западные исследователи, приезжая сюда, работают все равно как иностранцы, даже с хорошим знанием русского языка источников. По сравнению с ними, мы — «свои», потому что мы работаем у себя дома, на родном языке, в родной стихии, которая сформировалась на протяжении многих десятилетий. И эта, многолетней давности, полевая картина не известна западноевропейским исследователям, потому что они не имели возможности выезжать сюда раньше. Им — в отличие от нас — не с чем сравнивать.

в числе этических проблем называют, например, такую: позволительно ли нам, что называется, обманывать информантов: не объяснять им цель нашего исследования, как бы скрывая от них, что мы собираемся делать с их рассказами. Важно это или нет? Ведь мы как сторонние наблюдатели замечаем то, что, может быть, для них самих незаметно, но может характеризовать их с не очень хорошей стороны. К тому же мы часто собираем информацию интимного или эзотерического свойства, — нас иной раз предупреждают и просят: «Не записывай! Не скажу, если ты будешь записывать на магнитофон!». А мы именно это с радостью описываем, упиваясь всяческими подробностями. В данном случае наши информанты выступают как «дарители информации», и мы, видимо, определенные этические правила действительно нарушаем. Я думаю, что каждый исследователь сам должен чувствовать, что позволительно опубликовывать, делать достоянием научной общности, а что нет. Хотя, конечно, у нас в стране нет официальных запретов, — сейчас их нет. Но, может быть, мы к этому придем лет через тридцать? Во всяком случае, следует присмотреться, — возможно, даже не к тем довольно спокойным районам, в которых мы работаем у русских или финно-угров Северо-Запада, а, допустим, к районам Закавказья и Средней Азии, где твоим информантом может оказаться человек другой веры, других политических взглядов, и ты не всегда испытываешь пиетет к тому, что он говорит, к его позиции и взглядам на прошлое и настоящее.

Еще мне бы хотелось сказать немного о том, какие у каждого из нас, кто выезжает давно, существуют способы, налаживания отношений — с местными властями, и, конечно, с самими людьми. Мне кажется, что здесь очень важно не переигрывать и не подстраиваться, изображая «своего», потому что это всегда чувствуется, всегда видно и вызывает, надо сказать, негативную оценку после того, как ты уезжаешь. Наверное, каждому из нас доводилось сталкиваться с такой ситуацией: приезжаем на место, а здесь до нас уже была другая экспедиция. Местные жители начинают рассказывать, как вели себя ее члены, и ты как будто смотришь в зеркало, видя собственные ошибки в поведении. Мы должны помнить о том, что за нами тоже наблюдают и тоже делают свои выводы — причем не только о нас конкретно, а вообще о тех, кто к ним приезжает и с ними работает.

На чем же строятся наши способы достижения взаимопонимания? Насколько мы должны доверять получаемой информации, как мы ее верифицируем? Вот несколько примеров. Я специально выезжала к тихвинским карелам на Крещение. В первый же день пришла в дом к своим знакомым, и, естественно, начала с того, что поздравила с праздником. Дальше ничего говорить было не нужно. Я записала полтетради воспоминаний о Крещении, о святочных ряженьях, о гаданьях, и это был мощный поток воспоминаний, к которому подключались приходившие соседки. Или другой пример. Здесь уже говорилось, что мы опрашиваем людей определенной возрастной категории и стремимся работать с как можно более пожилыми людьми. Это, конечно, неправильно. Иногда удается вдруг услышать ребенка или подростка, который, живя рядом с бабушкой или дедушкой, знает то, что этот пожилой человек мог уже забыть. У меня таких случаев было много, назову только два. Я познакомилась с девочкой четырнадцати лет, это было у тверских карел, и она была приемной в семье, то есть чужой, неродной. Но ее взяли в довольно раннем возрасте, и она воспитывалась все время бабушкой, «знающей». Этой «знающей» было тогда семьдесят девять лет, и то, что она помнила, повторыла как заученное. Девоч-

ка ее поправляла, вспоминала то, что забыла бабушка — и, надо сказать, оценивала себя как отличную от сверстниц.

Еще один пример: в 2002 г. в экспедиции с нами была лаборантка, студентка университета, и у нее сложились свои отношения с людьми более молодого возраста. В доме, где мы жили, был внук, Ванечка — хулиган, как бабушка про него говорила, «даже в туалет на мотоцикле ездит». И вот когда прошло какое-то время нашего там проживания и общения его с девушкой, рядом с моими материалами на столе оказалась тетрадка. Это были стихи Ивана, в том числе на карельском языке: о любви, о девушках, о родных местах — он коренной человек, он не променяет свои «забелинские тропки» ни на какие Тихвины и Ленинграды. Мне и в голову не пришло спросить, знает ли он родной язык, потому что казалось, что молодежь им уже не владеет.

И еще в продолжение темы возраста. Это то, с чем тоже все сталкиваются: в определенном возрасте у наших информантов происходит так называемая актуализация памяти. И поэтому те сорокалетние, мимо которых мы сегодня можем пройти или, беседуя с ними, убедиться, что они малоинтересны для нас, могут через двадцать лет оказаться очень полезными информантами.

Другой пример, связанный с темой общения. Приезжая в деревню, мы иной раз можем часами выслушивать рассказы о сегодняшней ужасной стариковской жизни. Свернуть с этой темы бывает крайне трудно. Есть разные приемы. Предлагаю один. Я задала такой вопрос бабушке: «Ну ведь говорят же, что человек, который до восьмидесяти лет живет, — заживает чужой век?» — она сразу же подхватила эту тему. Появилась совершенно другая тональность разговора: прежде всего было показано приготовленное ею «смеретяное», а затем обсуждалось, кто из соседей, подруг, сверстниц — как уходил, как собирался на тот свет. Разговор пошел уже совершенно в другом ключе, интересующем меня — о похоронной обрядности.

Конечно, когда работаешь в одном и том же месте, очень помогает знание местной истории, имен, родственных связей. Когда человек не может сразу вспомнить о том, что вас интересует, следует испробовать такой ход: «А помнишь, вот в той деревне — была NN, она рассказывала...», — это помогает человеку включить ассоциативную память, лучше понять поставленную передним задачу.

Теперь о том, что касается верификации знаний. Вот только один случай, на который я обратила внимание, готовясь к сегодняшнему выступлению. Это та ситуация, когда мы работаем в старообрядческой среде, то есть среде книжной, где источником знания зачастую была и остается книга. Не только религиозная книга — любая книга. Так, пожилой человек рассказывает об истории своей деревни и происхождении карел: «Мы раньше все были вместе: финны, эстонцы, карелы, калмыки, молдаване...». Я его останавливаю: «Как это, объясните?» Он говорит: «Так я ж в книге прочел». Или: разговариваем о грехе с дочерью известной староверки. И она излагает такую сентенцию, достаточно простую, ясную, христианскую, что некрещеным быть грех. Я спрашиваю, а как воспитывали, бабушка, мама — как объясняли, что такое грех? «А я, говорит, прочла об этом в журнале "Айболит"». Последний пример. Женщина из семьи потомственных «знающих» рассказывает мне о способе лечения болезни. Я слушаю ее и думаю: «Ведь

до боли знакомая и информация, и словесное ее оформление». Спрашиваю: «Это что, у вас так было принято в деревне?» — «А мне же книжку из Ленинграда привезли, писателя Даля».

Еще хочется отметить особенности работы с нерусским населением — особенно то, что касается языка общения. При незнании национального языка нам приходится общаться по-русски, в том числе с пожилыми людьми, у которых в результате того, что они поздно выучили русский язык, происходят явления макаронизма, — смешения в речи русских и родных слов и фраз. При этом информант волнуется, и создается такое впечатление, что этот человек просто не может быть твоим информантом, потому что то, что он говорит, вообще нельзя расшифровать. В этих случаях помогает не только твое хорошее знание местной истории, но хотя бы терминологии на местном языке. И человек сразу успокаивается, иногда этого бывает достаточно, чтобы он сказал: «О-о! Ты же знаешь, наш язык знаешь!» Это облегчает совместное общение.

В старообрядческих селах, где почти в каждом доме есть книги (если не книги, то Книга), можно попросить почитать вслух — и вдруг сталкиваешься с таким феноменом двуязычия или даже троязычия, когда, плохо владея русским языком, люди начинают прекрасно читать текст, с правильными ударениями и интонациями, которые были с детства усвоены от наставниц.

В Ленинградской области наблюдается и несколько другое явление. Кто работал с ингерманландскими финнами, знает, что начиная с 1990-х годов значительное их число уехало или ушло из жизни, поэтому идет поиск хоть какого-нибудь одного информанта, который не только владеет информацией, но и согласится с тобой беседовать. Потому что так сильна память о предыдущих десятилетиях, когда быть финном было опасно, доверять чужому и участвовать в опросе тем более. Тоже самое можно сказать об эстонских переселенцах в Ленобласти. И поскольку среди сельских жителей трудно найти эстонцев и ингерманландских финнов, следует переключаться на стационарную работу в городе. А это уже другая категория информантов, потому что многие из них — городские люди во втором-третьем поколении, грамотные, многие с высшим образованием, вместе с тем, именно они владеют семейными архивами, которые сохранились благодаря тому, что с ними никогда не расставались.

В заключение хочу сказать о личности информанта и самого исследователя. Важно как можно более полно охарактеризовать информанта — не только чтобы точнее провести интервью или интерпретировать полученную информацию. То, о чем мы сегодня говорили, — замкнутые этноконфессиональные общины или другие замкнутые общности — представляют особый интерес. Так, исследователю старообрядчества известно, что личность занимает в их культуре очень важное место, типы личностей довольно иерархично расположены и соотносимы друг с другом: это религиозные лидеры, мистические типы лидеров, это «знающие» и, на мой взгляд, каждая из этих категорий представляет особый интерес для изучения, потому что это так называемые базовые типы личностей общины.

Но не менее важна и личность исследователя. Потому что наше поведение, индивидуальные знания, опыт работы налагают отпечаток на то, каким образом мы собираем и анализируем материал. Наши повторные полевые работы иной раз су-

щественно меняют наши представления о том, что мы видели, допустим, пять лет назад: мы приезжаем снова, работаем с теми же людьми, но по-другому видим, по-другому слышим их. Я хотела бы здесь процитировать уважаемого мной протоиерея Г. Флоровского, который писал о том, что для понимания прошлого историк необходимо «вчувствование» в имеющиеся документы и свидетельства. «Следовательно, личность истолкователя входит как составная часть в самый процесс интерпретации, равно как в разговоре необходимо два собеседника, чтобы получился диалог двух "правд", разных, но равноправных сознаний — исследователя и объекта исследования» [1, с. 11].

Другой аспект проблемы диалога информанта и исследователя — вопрос влияния исследователя на изучаемое население. Мы сами иной раз выступаем для местных жителей как источник знаний и хранители их памяти. Мой пример: похороны одной женщины, все стоят и молчат. Я знаю, что раньше в этот момент пели. Насыпают холм, ставят в баночке цветы — я не удержалась: «Что же вы крест-то не начертали?» — мужчина, стоявший у могилы, воскликнул: «Ой!» — побежал, начертил крест (как положено по обычаю). Правильно ли я сделала, что вмешалась? Иной раз между исследователем и информантом возникает дискуссия, касающаяся достоверности обсуждаемого (особенно, когда работа идет на протяжении многих лет с одними и теми же людьми).

Личность полевого исследователя, как правило, отсутствовала и отсутствует в наших работах, и только сейчас мы признали, что она «сама по себе представляет большой интерес для последующих поколений» (2, с. 139; 3, с. 4). Такой поворот в нашем осознании собственной профессиональной деятельности связан с постепенным переходом от «стратегии объективизации» как единственно верной, которой мы придерживались до недавнего времени согласно идеологическим установкам, к «возвращению человека» в отечественную науку. Представляется важной мысль А.Я. Гуревича, высказанная им в предисловии к сборнику «Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры»: «Посредством рассмотрения индивида, личности автора приближаются к постановке проблемы индивидуальности каждой из культур, которые выбраны ими в качестве предмета изучения» [2, с. 4].

Тесно связан с этой проблемой и вопрос о публикации полевых исследований, точнее о жанре этих публикаций: аналитические статьи и/или очерки субъективно-описательного характера. Наши московские коллеги видят начало нового жанра в изданном в 2001 г. сборнике «Очерки экспедиционного быта в Закавказье» [4]; на прошлом круглом столе (2002 г., ИЭА, Москва) были предложения о расширении рамок публикации полевых текстов, а также очерков об организации и методике проведения экспедиций, в которых «акцентировалось внимание к условиям жизни и работы исследователей в поле». «З.П. Соколова призвала фиксировать в полевых дневниках и тетрадях все детали полевых выездов и поддержала идею развития особого жанра этнографических публикаций — описания путешествий и путевых впечатлений исследователя» [1, с. 138].

Напоследок хотелось бы посоветовать молодым: не уставайте повторять свои вопросы. И вообще почаще спрашивайте: а что это, а почему, даже если вы уже однажды получили ответ. Через 7 лет работы у тихвинских карел я не только услы-

шала, но и увидела карсикко — поминальную сосну, узнала о «сердитом» или «плачущем» озере. Иной раз деликатная просьба сфотографировать божницу и семейные фотографии может дать очень интересные результаты: например, обнаружится, что в Новый завет вложено свидетельство о крещении внучки и тексты заговоров на карельском и русском языках.

Литература

1. Флоровский Г.В. Затруднения историка-христианина // Мера. 1994. № 1.
2. Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Круглый стол «Полевые исследования в этнологии и антропологии» // Этнографическое обозрение. 2002. № 5.
3. Гуревич А.Я. Предисловие // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры / Сб. ст. Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1990.
4. Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001.